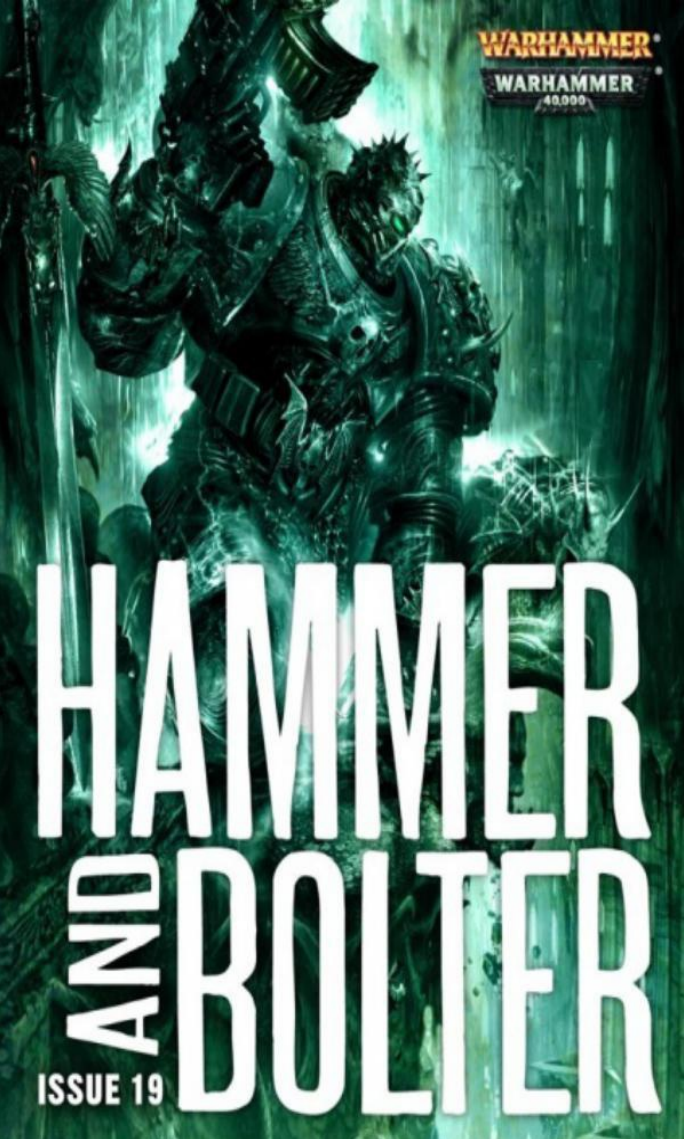

WARHAMMER®

WARHAMMER®

40,000

HAMMER AND BOLTER

ISSUE 19

ИРИКСЭ

Бэн Каунтер

...

Всюду висали пергаменты, покрытые
молитвами, проникновенными мольбами
писцов

самой Терры. Они годати горбились за
столами, годати писали слова давних
мёртвых

святых перьями из костей кающихся
грешников, чернилами из крови мучеников.

Пергаменты истекали святостью, чёрные
капли становились красными, падая на пол
военного архива «Фаланги».

Ритуальное очищение станции займёт
годы. Не так-то просто смыть зло,
причинённое

свершёнными замыслами демона. Его
нужно изгнать молитвами, выбить, словно
грехи

порочного человека из стали «Фаланги»,
чтобы она могла вновь стать флагманом

Человечества. Команды сервов Имперских
Кулаков оттирали осквернённые палубы

святой водой, а допущенные в мир ордена
жрецы Эклезиархии благословляли
снаряжение, узревшее демона. Но
«Фаланга» была создана для войны, а война
не ждёт,
пока воители очистят себя от грехов.
«Фаланге» предстояло служение,
Имперских
Кулаков ждала битва.

...

Пергаменты раскачивались от дуновения
рециркуляторов воздуха. В военный архив
вошёл капитан Лисандр. Его грозный
третинаторский доспех и закреплённый на
спине
штормовой щит сверкали после дневного
обряда ухода. Казалось, что Лисандр был
не
человеком, а сошедшей с постаментов
статуей одного из героев, чьи подвиги
заслужили
им место в сердце ордена и в коридорах
«Фаланги». Бритая голова капитана
выглядела

так, словно её пожевали и выплюнули, но в
лице остались благородство и решимость
прирождённого лидера.

Когда он вошёл, собравшиеся в архиве
новобранцы словно съёжились. Они едва
прошли

ранние этапы физического преобразования,
которое однажды сделает их

костогесантниками, и ещё не служили
скаутами или учениками
техногесантников или

бибилариев. Они нечасто видели старших
воинов ордена, а ещё реже слушали их

наставления. Они ещё были людьми, а не
Agentus Астармес, свободными от
слабости,

для превозмогания которой Император и
создал костогесантников.

- Вы знаете, кто я, - начал Лисандр. -- А я
знаю, кто вы. Вы -- будущее ордена.
Однажды

некоторые из вас станут Имперскими
Кулаками, возможно воинами моей первой
роты.

Один из вас даже может заслужить лавры капитана, хотя я не позволю этому произойти,

пока вы не усвоите сүти войны.

Он оглядывал лица новобранцев. Они стояли рядами, глядя на стол тактического

дисплея, который занимал значительную часть архива. Каждый новобранец был юнцом,

отобранным с одного из сотни посещённых капелланатами Имперских Кулаков миров в

соответствии с строжайшими стандартами агрессии, бесстрашия и физического

потенциала. Но теперь они казались детьми по сравнению с ужасным великаном.

- Война это жертва.

Лисандр махнул рукой, и литетические сплавыв на поверхности стола перестроились в

сложную топографическую карту, вздыбились пиками и опали ущельями

неровного

оскала гор. Встроенный в потолок
голопроектор высветил на карте сотни
мерцающих

символов. Цилиндры на склонах гор
отражали артиллерийские батареи.
Взлётно-

посадочные полосы усеивали вершины
предгорий. Десятки отрядов кишели в
ущельях и

косогорах, разные цвета показывали
стороны великой беспорядочной битвы.

- Что вы видите? -- потребовал ответа
Лисандр.

- Я вижу Валацкий Перевал.

Капитан посмотрел на новобранца.
Чёрные как ночь волосы контрастировали
с красными

зрачками и серой кожей. Подульевик, один
из подземного народа пагальщиков и
убийцы

забытых Императором глубин города-
улья.

- Новобранец Анейо, - сказал Лисандр, - Ты

хорошо запомнил «Воинские принципы». Но
этого недостаточно. Что для тебя
значит Балацкий Перевал?

Анейо сглотнул.

- Капитан Сикүл руководил отрядом
боевых братьев во время спасения
гражданских от

матежников из Покорной Маски.
Матежники также были втянуты в
собственную войну с

культистами Алой Луны, которые...

- Нет. Я хорошо знаю слова «Воинских
принципов» и спрашиваю не об этом, а о
том, что

значила эта битва.

Казалось, что тишина длилась вечно, пока
один из учеников не прокашлялся.

- Новобранец Арнобий, ты хочешь что-то
сказать? -- спросил Лисандр.

На Арнобие был окаймлённый синим
костюм Библиариута ордена, капюшон
скрывал

бритую голову и клочья пересаженной
кожи. Под покрытым шрамами, но

непримечательным лицом горел разум,
который мог -- ещё только мог -- быть
достаточно

сильным для воина-псайкера Имперских
Кулаков.

- У Сикүла, - начал Арнобий, - был выбор.

...

- Враг в небе! -- раздался в воксе голос
сержанта-разведчика Ноктиса, и долю
секунды

спустя капитан Сикүл услышал над
головой вой двигателей.

Впереди лежал обширный Валацийский
Перевал, глубокое ущелье в красных горах.
Из

наблюдательного пункта в люке
командного «Датокал» капитан видел, как
у входа

толпились беженцы, как направляющие их
жрецы Экклезиархии выкрикивали
молитвы и

призывали к спокойствию. Десятки тысяч
людей рвались через ущелье к посадочным
полям, откуда их стогут эвакуировать с

мира, спасти от наступающих на города
мятежников. Это были аколиты
Министорума и фабрикаторы Механикус,
клерки

Администратума, медики-хирурги и
санитары, законописцы арбитров и
стражи тюрем.

Агенты Кей Тола, последнего города,
показавшегося на пути Покорной Маски.
Бой

услышали и люди. Они поняли, что это
значит. Капитан вигел, как их
охватывает паника.

- В укрытие! -- закричал Сикүл в вокс. -
Ноктис, ты -- глаза отделения Ясона!

К ущелью приближался самолёт, похожий
на кинжал, с острия выдавалась кабина.
Сикүл

разглядел лицо пилота -- безликую
хромированную маску с единственным
окном, когда

истребитель нацелил нос на ущелье и
открыл огонь из пушек на распростёртых
крыльях.

По стенам ущелья прошла цепь взрывов, по
спирали опускающаяся к толпам
гражданских. Тела взлетели в воздух,
раздались вопли, еле слышные сквозь вой
двигателей пронёсшегося над головой
истребителя. Сикүл прыгнул внутрь.
«Датокл»

был модификацией БТР «Носорог», где
большую часть транспортного отсека
отдали под

усиленное коммуникационное
оборудование, дабы Имперские Кулаки
поддерживали

связь, несмотря на помехи в горах.
Тактический дисплей сообщил Сикүлу,
что его отряд

рассеялся в укрытиях. Скауты Ноктиса,
опустошители Ясона и его собственное
командное отделение залегли среди скал у
подножия ущелья.

- Это «Красный клык», - сказал Хатоскон.
Технодесантник еле втиснулся в
«Датокл»,

сложив вокруг тела серворуки. -- Он

разорвёт людей в клочья.

- Ясон! -- приказал капитан. -- Сбей его!

Звук выстрелов приближались. Конё
света пронзило «Датокл», вспыхнуло
между

Хатосконом и Сикүлом. Капитана
отбросило назад, БТР взлетел на воздух,
и ударная

волна впечатала его затылком в задний
люк.

На миг Сикүл отключился. Он пришёл в
себя, когда Хатоскон вытаскивал его из
обломков, таща за собой серворучками.

Сикүл перекатился на ноги. Он мысленно
провёл боевой сбор, пересчитывая
конечности

и чувства. Не пострадал сильно, можно
сражаться. Закончив обряд, капитан
обратил

внимание на своё отделение, выбежавшее
из укрытия, чтобы спасти его. Это были
самые

близкие братья, те, с кем он сражался бок
о бок с тех пор, как смог назвать себя

Цлперским Кулаком. Но воину из каждого
отделения, в котором служил Сикүл,
теперь

носили красные шлемы роты и были его
почётной стражей.

Брат Ахайкос втащил капитана в
укрытие.

- Он начинает очередной захог.

- Открыть огонь! Отвлеките его от
Ясона!

- Есть, мой капитан! -- ответил Ахайкос.
Он, как и шесть других братьев
командного

отделения, нацелил болтер в небо и
выпустил очередь в серебристый кинжал,
разворачивавшийся для обстрела уцелья.

Сикүл видел, как сержант-разведчик
Ноктис выглянул из укрытия, глядя на
истребитель

через магноокуляр. Солнце блеснуло в
бионическом глазу Ясона, когда тот взял
лазпушку у боевого брата. Сержант
собирался выстрелить сам. Может из
высокоотерия, а

может из-за простого знания, что он —
лучший стрелок в роте. Не важно, пока
выстрел

меток. Вновь смерть обрушилась с небес,
выбивая осколки из стен ущелья.

Гражданские

бежали, в беспорядочной гавке тчались во
все стороны разом, пытаясь найти

несуществующий выход из ущелья.
Утирали люди, разорванные выстрелами
или

затоптанные дружити. Люди, за которых
был ответственен Сикүл.

Лазпушка выстрелила. Алое копье
отрезало крыло истребителя. Мгновение
самолёт

сохранял курс, а затем накренился, вошёл
в штопор. Он врезался в склон ущелья и

взорвался. Взмыли клубы чёрно-красного
дыма, град осколков камня обрушился на

паникующих людей. Грохот эхом разнёсся
по ущелью, сбивая снег с высочайших пиков.

Он не будет одинок. Покорная Маска
правит небесами этого мира, но их

хватает и на

земле. Ноктус! Братья мои! Вперёд, и
смотрите вверх!

Сикүл побежал от обломков «Датокла» к
толпе.

- Граждане! Внемлите! Враг жаждет
вашей смерти, но этому не бывать!
Император с

вами, ибо мы -- Его рука, и мы избавим вас!
Несите раненых и оставьте мёртвых,
слушайте жрецов и следуйте за нами
через ущелье! Мы -- Имперские Кулаки,
стоявшие

на стенах Терры и бросающие вызов Врагу,
и мы не подведём! Клянусь вам!

Похоже, люди прислушались к словам
капитана, или жрецы Министорута
уготонили

большую часть толпы. Давка утихла,
люди вновь пошли по ущелью, перебираясь
через

груды изломанных тел и дымящиеся
кратеры. Сикүл слышал плач, горестные
крики тех,

кто потерял близких, и стоны раненых. Одних несли на плечах грузья, другие ползли или

ковыляли, опираясь друг на друга.

- Вижу их, - доложил Ноктис. Его отделение продвигалась по ущелью, карабкаясь по

скалам на склонах. Сикүл пристотрелся и увидел тёмные точки - лёгкую пехоту, опытную

и бесстрашную, чувствовавшую себя как дома среди безжалостных гор. Типичную для

Покорной Маски. Они заразили это место и теперь вылезали из нор, чтобы пожрать идущих мимо слабаков.

- Ноктис, держись и прижми их! Ясон, на позицию! Братья мои, за мной!

- погоди, - вновь заговорил Ноктис. -- Северо-запад, второй пик. Я вижу его.

Сикүл посмотрел на северо-запад. Пик, похожий на расколотый зуб, вздымался над высокими суровыми горами. Древний катаклизм сокрушил вершину и оставил

на склонах

глубокие разломы.

Там, среди разбитых опалённых скал, собрался шабаш. Знатёна и плащи развевались на

холодном ветру. Усиленное зрение костогесантника позволяло различить мельчайшие детали.

Их было семеро. Шесть были людьми, но крайней мере, когда-то. К их раздутым, мумифицированным мускулам были прибиты пластины доспехов, вкопанные в виде тонких

свитков и похищенные из склепов. В руках были взятые из мавзолеев и гробниц клинки,

щиты и копья утерявшей тысячелетия назад империи. Лица изограны, кровоточащие

глазницы -- знаки веры воинов, вырвавших их по приказу седьмого.

Убо седьмым был Вечный Наставник, Свет во Тьме, Владыка Платени Счастья,

Капитан

Кофран Баа'ейголом из Демей
Императора.

Плащ из застывшего пламени висел на
плечах предателя и окружал его жарким
таревои.

Яркий отполированный пурпурный доспех
доспехника покрывали позолоченные
пластинки с молитвами собственной
мощи и красоте. Наплечник украшал
птичье крыло,

чьи перья были сделаны из жемчужин и
рубином. Нагрудник покрывали изумруды,
изображавшие планету, которую
окружали восемь звезд. Лишь глазницы
смотрели с

безликого золотого шлема, а на лбу
сверкала серебряная корона, украшенная
разноцветными драгоценными камнями.
Одна рука воина сжимала Князя
Совратителей --

демона, заточённого в посох, взятый с
остывающего тела губернатора Калкса из
сектора

Субдальнас. На другой висел щит, сделанный из автарха Усандриона с тираковчеза

Делдренат. Автарх до сих пор был жив, и его лицо, натянутое на щит вместе с другими

частями тела, плакало от боли.

Сикүл замер. Не погодно костодекантнику позволять шоку сбить его с мысли, но

внезапное появление капитана предавшего легиона застало его врасплох. Мгновение он

не видел ничего, кроме Ваа'ейголова. Это был капитан Демей Императора, который украд

тысячу реликвий жизни Императора и сделал из них вместилище для демона, который до

сих пор буживал в Голодных Звездах. Собрал огромную армию латежников, лутантов и

жалких пиратов и завёл их в вулкан, лишь чтобы слушать стех своего бога, пока они горели. Выковал доспехи в погребальном

костре пилигримов и закалил в слезах их сирот.

Сикүл отвёл взгляд.

- Мы сможем его убить, - раздался сзади голос Ахайкоса. -- С ним Шесть Фүрий, но мы

справится, если ударим быстро и не дрогнем.

Отделение Ясона тоже заметило новоприбывшего. Они уже наводили тяжёлые орудия на расколотый пик.

- Капитан? -- спросил Ясон. -- Что прикажете?

- Ждите.

- Если мы убьём его сейчас, то сорвём все замыслы.

- И бросим этих людей, - возразил Сикүл. -- Верующих планеты. И возможно Ваа'ейголом

здесь лишь чтобы отвлечь нас.

- Не важно, - проворчал Ахайкос. -- О задании забудут, если мы принесём его голову.

- Я согласен, - кивнул Ясон. -- Мне ясно, что принесёт славу.

Сикүл утолк. Он представил, как принесёт обгорелый шлем Ваа'ейголомта на «Фалангу» и

повесит как трофей. И представил ущелье впереди, заваленное телами беженцев.

- Мне нет дела до славы, - ответил капитан. -- Ясон, выдвигайся и начинай обстрел.

Ноктис, прикрой нас, - он повернулся к Ахайкосу и костодесантникам командного отделения. -- За мной, спускается в ущелье. Обеспечьте безопасность людей. Таков мой приказ.

Имперские Кулаки последовали за беженцами в ущелье, Ясон уже открыл шквальный

огонь по укрытиям Покорных Маско. Капитан оглянулся на расколотый пик.

Ваа'ейголом отвернулся. Возможно он был разочарован, возможно доволен. И Сикүл

невольнo подумал, не таится ли под
безликим шлемом улыбка.

...

- Выбор, - сказал Лисандр. Он смотрел на
лица новобранцев. Они ждали, что ил
скажут

суть урока, объяснят, что нужно
заполнить.

- Арнобий?

- Он был неправ.

- Объясни, новобранец.

- У Сикүла был шанс устранить врага
Человечества. Когда Империя гал бой

Ваа'ейголоту, тот уже разорил ещё
шесть миров и совершил бессчётные
злodeяния.

Всего этого можно было бы избежать,
если бы Сикүл убил его на Валацийском
Перевале.

- Ясно. Говорите, новобранцы. Те, кто не
стожит высказать мне своё мнение, не
остелятся игти под пушки врага.
Говорите.

- Я не согласен, - раздался голос сзади.
Новобранец Коген родился в мире
архипелагов и

свиренных морских чудовищ, где загорелые
люди бились с кракенами под палящим
взором двух солнц. Крошечные камешки
были вшиты под медную кожу на висках и
лбу,

отчего лицо казалось отмеченным
шрамами. -- Задача Сикүла была ясна, и он
выполнил
её до конца.

- Потеря агентов была бы прискорбна, -
живнул Арнобий, - но не имела бы значения
по

сравнению у устранением Ваа'ейголома.

- Но без веры и доверяя людей Империи
Имперские Кулаки не смогут сделать
ничего, -

возразил Коген. -- Если они лишатся
надежды, что мы их избавим, то утратят
веру, и враг

укоренится среди людей.

- Среди статуй героев «Фаланги» нет

Сикүла, - встрял Анейо. -- Убив

Баа'ейгомота, он бы

заслужил почёт и принёс великую славу
ордену!

- А сколько зла могут вестники Хаоса
создать в народе, лишённом надежды и
веры?

Ручаюсь, что больше, чем способен любой
чемпион варна.

- Посмотрим, Коген! -- рявкнул Анейо.

Лисандр поднял руку.

- Хорошо. Об этом думал и Сикүл,
принимая решение.

- Тогда каков ответ? -- спросил Анейо. --
Сикүл был прав или нет?

Лисандр улыбнулся. Он редко это делал,
особенно среди новобранцев, которые явно
встревожились, не понимая, что это
значит.

- На этот вопрос я отвечу другим.

Лисандр настроил дисплей стола.
Валацкий Перевал и тактические
обозначения

пропали, и воздухе повисла голограмма. Зная с железным кулаком на скрещенных толниях. Горящие черепа ксеносов были сложены под кулаком, а над ним был символ

системы с семью планетами. Древко знамени венчал огромный череп, принадлежавший

существо с обширной мозговой коробкой и сложными мандибулами. Одну глазницу опалила плазма, поверхность покрывали сотни выгравированных илён.

- Что вы видите?

Тяжёлое мгновение никто не решался заговорить. Наконец, Арнобий ответил.

- Это штандарт Седьмой.

- Где он сейчас?

- В часовне Хатандера.

- Почему?

Ответил другой новобранец, Такио. Бледная кожа и большие глаза выдавали, что он

родился на тире долгих ночей, где люди

почти стали абхуманати.

- Его убрали как реликвию. И несут в бой, лишь когда собирается вся седьмая рота, а капитан считает это нужным.

- Частично верно, новобранец Дакио. Но не совсем. Вернее будет сказать, что штандарт

висит в этой часовне из-за Мануфакторума Сигма. Верю, что вы об этом читали,

новобранцы, и не стану вам рассказывать. Я хочу знать, понял ли кто-то из вас, что эта

битва значит для лидера. Для Имперских Кулаков. Для вашего будущего в оргене.

Лисандер оглядел новобранцев. Они были смятенны. Их уроки были пусть и не лёгкими,

но простыми -- обряды снаряжения, тактика, история, заучивание и мускульная память.

Теперь же от них требовали думать.

Заговорил Коген.

- У Хамандера тоже был выбор.

Вокруг утирал Гранитоград, и Имперские Кулаки, как и всё живое, покидали его. Они были частью предсмертных судорог — уходили последними. Имперская Гвардия бежала

на морских транспортах и десантных шаттлах, а вскоре эвакуировали и взлётные полосы

флота. Имперские Кулаки уходили последними. Когда они сядут в «Грозовые ястребы»,

чтобы вернуться на орбиту, в Гранитограде не останется людей.

Промышленный город казался огромным пятном размером с пол континента, его мануфактуры вздымались словно исполинские соборы, посвящённые имперской

жажде боевых машин и оружия. Капитан Хатандер не испытывал любви к этому унылому,

бесчеловечному месту, но ему ужасно не хотелось оставлять город ксеносам.

Мануфакторум Сигма был последним
очагом сопротивления. Теперь он горел.

Орудия

чужаков выпускали лучи багрового света в
разбитые витражи, вспыхивала сама
сталь

опор. Пламя внутри отбрасывало
странные тени от горящего скелета
огромного здания.

- Братья, перекличка! Мы не можем вас
ждать! -- Хатандер возглавлял почти две
роты

Улперских Кулаков -- всю седьмую и
отделения четвертой, пятой и девятой.
Он был

капитаном седьмой, старшим офицером,
но один человек не мог вести такую
артию.

Каждый отряд отступал отдельно, брат
прикрывал брата.

Ружья подтверждения вспыхнули на
зрачках. Семнадцать отделений
Улперских Кулаков

уже погрузились. Технодесантники и их

ученики ещё были на земле и наблюдали за зануском восьми «Громоных ястребов» ударной группы.

- Мы не бежим, - сказал в вокс Хамандер, добравшись до задней rampy командного ястреба -- десантно-штурмового корабля в золотых и чёрных цветах его роты. -- Мы вернёмся и обрушим на них огненный дождь! Когда ксеносы будут праздновать победу,

мы сокрушим их сердце и развеет прах по ветру!

Хамандер оглянулся на мануфакторум. Ксеносы уже были здесь. Мерцал свет, преломлялись и восстанавливались изображения -- благодаря продвинутому силовому

полю, отражавшему взор, чужаков было почти невозможно застрелить. Их не заботил и

огонь, хотя вокруг разваливалось здание. Несомненно, у них и от этого была защита.

Тысячи чужаков наступали широким

фронтом -- более широким, чем могли представить

имперские командующие. Коварством или везеньем, но ксеносы тайно провели в Гранитоград целые армии, которые продвигались по районам, которые ещё не контролировали. Они возьмут город почти нетронутым, поскольку Империя отступил. И

тогда Имперские Кулаки вернутся. Возможно пройдут часы, а возможно дни. Когда

ксеносы станут уязвимы, они вырвут сердце их руководства. Костогесантникам просто

нужна была хорошая цель.

Они вернутся. Хамандер поклянётся в этом, как только они выберутся из города, и

боевые братья станут ему свидетелями.

- Мы под обстрелом! -- закричал в вокс техногесантник Махаон. -- Уклонение!

Хамандер смотрел через закрывающуюся ратную ястреба. Вспышки лазерного огня

сверкали в горящем мануфакторуме,
разряд пробил хвост «Кровавой Звезды».
Корабль

самого капитана, «Гимн Дорна», взлетел
последним, унося из города Имперских
Кулаков.

- «Звезда» ранена, но летит, - доложил
Махаон. -- «Гнев Девлана» подбит. Он
падает.

Хатандер бросился к амбразуре и увидел,
как «Гнев Девлана» накренился, от
разбитого

двигателя градом полетели осколки.
Корабль вошёл в плоский штопор и рухнул
среди

антенн на крыше мануфакторума.

- Это отделение Тальтибия, - сказал
капитан.

- У них зная, - сообщил Махаон. -- Мы
должны вернуться.

- Нет. -- раздался голос штурмового
сержанта Ланифа. -- Нам приказано
отступить. Нет

смысла посылать боевых братьев на

смерть.

Икона Тальтибия ещё горела на ретинальном дисплее капитана, но связь прервалась.

- Он жив, - сказал Хамандер.

- Тогда отомстим за него. Не утрём с ним.

- И позволим знамени седьмой роты упасть в руки ксеносов? -- возмущился Махаон. -- Я

не вернусь на «Фалангу», склонив голову и зная, что я позволил ксеносам осквернить символ нашей чести. Зная, что я не сделал ничего!

- И сколькими братьями ты пожертвуешь, чтобы что-то сделать?

- Затолчите! -- приказал Хамандер. -- Выбирать мне.

- Я пойду с тобой, - сказал техногесантник. -- Вниз, в огненную печь. Я пойду.

- Ты останешься с флотом и уведёшь нас с этого мира.

- Не делай этого, - сказал Ланиф. --

Потерять зная -- меньший позор, чем
впустую

погубить боевых братьев. Одно можно
искупить, но не другое. Отдадим его
ксеносам и

отомстим за Тальтибия.

- Он ещё жив. Он сражается один, но его
братья мешают вместо того, чтобы
обрушить

свою ярость на врага!

- Я сказал замолчите! Я ваш капитан! --
Хатандер сжал край атбразуры, глядя на
тануфакторум Сигма. Он еле видел
место падения «Гнева Девлана» - груду
обломков,

пробивших крышу и упавших на верхние
этажи. Гладкие гравитанки чужаков
показались

из-за горящего здания и направились туда.

- Мне нужны двадцать братьев, - сказал
капитан. Он оглянулся на Имперских
Кулаков в

своём ястребе -- боевых братьев отделения
Сартана. После тяжёлого пути через

горящий

мануфактурѣм они были залаянаны сажѣй и
гразью, и теперь он просит их вернуться
туда.

- Мы идѣм не ради победы, - обратился к
ним капитан. - но ради будущѣго. Ради
братѣев, которых вдохновят наши дела в
этот день. Я прошу многого.

- Не очень, - возразил сержант Сарман. Он
потерял челюсть в бою почти двадцать
лет

назад, и теперь его частично
искусственный голос скрежетал, что
полностью устраивала

сержанта. - И любой из моего отделения,
который не пойдѣт с тобой, встретиться
со

мною на том свете.

- Со мной штурмовое отделение Мартеза,
- сказал Махаон. - Он вызвался идти с
нами.

- Тогда мы готовы. Сажайте «Гитн».
Махаон, веди «Золотой кинжал» за нами.

- Не мне оспаривать твой приказ... -

проговорчал Лапиф. -- Но я прошу тебя, не
как

Илперский Кулак, но как друг. Хорошие
жизни этого не стоят. Твоя жизнь этого
не стоит.

- Лапиф, отбей моё тело, - ответил
Хатандер. -- И если оно не будет сжимать
знатя

седьмой, то не горюй слишком долго.

Два «Грозовых ястреба», «Гимн Дорна» и
«Золотой кинжал», отделились от
взлетающих

кораблей Илперских Кулаков и
устрелились навстречу огненной буре. Они
спикировали к

улицам перед мануфактурой, чтобы
уйти с прицела артиллерийских танков
чужаков,

собиравшихся вокруг главных ворот.
Полуразрушенные улицы были завалены
обломками

и случайными телами. Стычки
вспыхивали в Гранитограде прежде, чем
армия ксеносов

начала наступление, словно это была увертюра к кровавому представлению.

Возможно

для чужаков это и было представлением — произведением искусства на холсте поля

битвы. Говорили, что война для них танец, а жизнь или смерть не так важны, как

мастерство, с которым они шагали. «Гилн Дорна» развернулся, посадочные двигатели

закружили пыль. Взвыли главные двигатели, и штурмовой корабль ринулся вперёд,

пронёсшись по открытой земле к тануфактору прежде, чем вражеские танки успели

прицелиться.

Хатандер вцепился в опоры, когда корабль ворвался в главные ворота горящего здания,

вокруг сошнулась красная дымка. Взвыли сирены — ястреб петлял между стропилами и

упавшими колоннами. Пламя было повсюду. Оно рвалось с потолка и стекало в огромные

озёра на полу. Огромные ряды машин казались островами.

«Золотой кинжал» взмыл к потолку, задел крылом колонну и потерял управление. Он врезался в стропила и исчез в граде обломков.

- Чтоб тебя, Махаон! -- заорал капитан.

«Гимн» взлетел через огромную дыру в потолке. Верхние этажи были лабиринтом

офисов, боковых часовен и жилищ агентов, и всё горело. Задняя ратна «Громоваго ястреба» опустилась, нагретый воздух обрушился на Хатандера, когда он выпрыгнул,

выхватывая силовой топор из ножен на спине.

Даже с фильтрами шлема лёгкие обжигало. Без авточувств и улучшенного зрения

капитан бы не видел в дыму ничего.

Плата было белыми вспышками среди
монокромного хаоса, визор жертвовал
цветом, чтобы засечь движение.

Из дыма выбирались боевые братья
отделения Мартеза. Капитан увидел
среди них

Махаона, заметного по громогласному
силуэту успеха мастера кузни и
серворуке.

- Махаон! -- заорал Хатандер. -- Ты должен
был высадить братьев и взлететь!

- «Золотой кинжал» пал! -- ответил
технодесантник. -- Я не могу летать без
скакунa!

Судьба решила, что я должен сражаться
вместе с тобой!

- Странно, что судьба заставила тебя не
подчиняться.

- Мы стоим обсудить это на «Фаланге».

Оба отделения высадились. Сержант
Мартез собирал братьев, которые хоть и
выглядели

помятыми и обгоревшими, но все
добрались до верхних этажей

мануфакторума.

Хамандер увидел, что последний воин
отделения Сартана высаживается из
«Гилна

Дорна».

- ВзлетаЙ! -- крикнул пилоту в вокс
капитан. -- Присоединись к флоту!

«Гилн» не мог сделать ничего, без линии
огня нeкyда было наводить оpyдия. Он
вылетел

из дыры в крыше мануфакторума, а высоко
над головой в верхней атмосфере тчались
серебристые искры -- остальные «Грозовые
ястребы».

Выстрелы пробивали резные деревянные
стены и гpyды горящих бyхгалтерских
книг.

Мимо пронеслась ракета и взорвалась,
опалив стену.

- Рассредоточиться и выступать! --
закричал Хамандер. -- Бyдьте начеку!

- Они ищут нас или Тальтибия? --
задумался сержант Сартан.

- Мы скоро yзнаем.

Он увидел в огне одного из чужаков. Они носили облегающую броню из красных и оранжевых изогнутых пластин, треугольные зелёные глаза смотрели с багрового шлема.

В руках было оружие явно чуждого дизайна, ствол с широким дулом был подключён к

яйцевидному энергетическому ранцу, окутанному проводами и схематми. На нагруднике

терцал драгоценный камень. Все эти чужаки носили на доспехах драгоценности.

- Огненные драконы, - зарычал сержант Мартез.

Имперские Кулаки стреляли во все стороны, чужаки бежали на них сквозь огонь, выпуская

багровые лучи. В такой близкой огненной буре они были смертоносны. Воин отделения

Сартана -- брат Клосс -- упал, когда разряд расплавил его доспех и вышел из спины, оставив дымящуюся дыру.

Хамандер врезался в горящую стену, круша дерево, и набросился на чужака, который

целился сквозь неё. Его вес поверг чужака на колени, и капитан ударил топором, отрубив

руку ксеносу.

Свободной рукой он схватил чужака за левую щеку, пробив пальцем глазницу.

Затем он сдёрнул шлем, разорвав провода и клапаны. Чужаки были пародией на людей.

Длинные, худые головы с большими глазами, словно у хищной кошки. Некоторым это

казалось красивым. На языке Империи ксеносов звали эльдарами, но Хамандер не думал, что они вообще заслуживают имени. Он прижал эльдару к полу рукоятью топора и

схватил за лицо, а затем одним рывком сломал шею.

- Я вижу его! - закричал один из

костогесантников Мартеза. — Тальтибия!

Я вижу его! К

западу от нас!

Капитан прыгнул с чужака. Имперские
Кулаки уже бежали через обломки,
выстрелы

болтеров рассекали проходы, где лежали
тела мёртвых ксеносов. Пало и двое

костогесантников, фүзионное оружие
Огненных Драконов расплавило доспехи и
вскипятило кровь.

Теперь и Хамандер видел Тальтибия. Он
держал зная седьмой как можно выше, но
был

ранен, почти лежал на спине, и стрелял во
все стороны. Но не вслепую. Он был
окружён.

Чужаки выскакивали из огня так быстро,
что глаз едва мог уследить, и рубили
сержанта

серебристыми мечами. Они двигались
словно акробаты в доспехах цвета кости,
глинне

маски обрамляли гривы рыжих волос.

Сальтибий попал в одного чужака,
рухнувшего в

огонь. Но десяток клинков пробили его
госпехи. Вокруг лежали изувеченные
воины,

бронированные руки и головы были
отсечены и горели.

Хамандер уже видел, как погибают боевые
братья, но с каждым разом это казалось
всё

хуже. Рогал Дорн научил первых
Имперских Кулаков сдерживать и
направлять гнев,

высвобождая его лишь тогда, когда
единственным тактическим вариантом
была яростная

атака. Сейчас боевые братья отделений
Сартана и Мартеза следовали этому
завету,

бежали к врагу сквозь пламя. Клинки
стучали о кератиты. Болты пробивали
горящие

стены. Чужаки падали на землю,
кератитовые сапоги крушили шеи.

Сержант Мартез

пронзил живот ксеноса силовым мечом. Махаон спокойно шёл, выпуская очереди из штурмового болтера, выкованного им на «Фаланге». Эльдары бежали к нему и падали,

сражённые благословенными снарядами.

Хатандер промчался сквозь хаос и присел рядом с Тальтибием. Сержант был одним из

самых больших воинов под его руководством и вероятно представлял бы угрозу и орден на

следующем Пире Клинков. Теперь он умирал. Одна рана рассекла лицо от лба до губы.

Другая вскрыла живот, внутренности блеснули в огне. Тальтибий поднял измученное

лицо и огляделся.

- Нет.

- Мы с тобой, брат. Мы не оставим тебя.

- Нет, капитан! Ты должен был уйти!

Бросить нас! Здесь тебя ждёт лишь

смерть!

- Нет, Тальтибий. Ни одного брата не бросят умирать, пока жив он и ещё один Имперский

Кулак.

- Проклятье, Хамандер! Сколько жизней ты отдал чужакам, чтобы утереть рядом со

мной?

- Брат, ил не достанешься ни ты, ни знамя.

- Знамя... ты пожертвовал жизнью ради него? Горстки щёлка? Хамандер, ты можешь

совершить подвиги! Одержать великие победы! И теперь отверг их ради этой глупости...

Имперские Кулаки собирались вокруг Тальтибия и Хамандера. Эльдары исчезли,

упорхнули сквозь пламя, уйдя от шквального огня.

- Мы выберемся отсюда, - сказал капитан.

- Заберём тебя и знамя. И братья будут

славить тебя как героя.

- Я мёртв. Оставь меня. Возьми знамя.
Умри с ним в руках...

Хамандер вздёрнул сержанта на ног и
потащил.

- Братья. Найдите путь вниз. Найдите
нам место для посадки!

Весь мануфакторум содрогнулся. Копьё
багрового света пробило пол, яркая
вспышка

окунтал всё.

Когда она исчезла, перед Хамандером
была дыра там, где стояли его Имперские
Кулаки.

Они исчезли, испарились. На колонне огня
и мерцающего тарева поднялся зверь
ростом

с троих человек, закованный в
раскалённый доспех, который шипел и
сыпал искрами. Он

нёс корону из искажённой кости и латную
перчатку на руке, с которой капал
бесконечный

поток крови. В другой был огромный меч,

покрытый чуждыми сверкающими рунатами.

Клинок был -- жутко, оглушительно.

- Это их бог! -- пытался перекричать звук

Махаон. -- Призванный на войну!

Ведьмовство,

братья! Чуждое ведьмовство!

Имперские Кулаки быстро пришли в себя

после внезапного явления полубога. Болты

врезались в расплавленную шкуру -- похоже,

без всякого эффекта. Взор пылающих

зелёных глаз мелькал с одного

костюгесантника к другому, и если

Хамандер и мог что

увидеть на нечеловеческом лице, так это

презрение... и гнев.

- Ты не получишь зная! -- заорал капитан.

- Никто не получит, пока мы живы!

Полубог ударил мечом, и Хамандер

перекатился на бок, пойтав клинок

силовым топором.

Полетели искры -- силовое поле боролось с

энергией меча. Полубог был силён,

чужовищно силён, и капитан ощутил, что

его теснят.

- Нас бүгүт полнить, когда твой род забүгүт, - зарычал Хамандер. -- Полнить, когда все

знавшие о тебе станут легендами прахом!

Чужаки прорывались с нижних этажей. У одних были ценные мечи и более тяжёлая, пластинчатая изумрудная броня. Другие, в черни и пурпуре, медленно шли сквозь пламя,

наводя ракетные установки. Выжившие Имперские Кулаки закричали боевые кличи и

ринулись в бой, паля из болтеров.

Полубог рванулся вперёд и опрокинул Хамандера. Его клинок опустился словно гильотина, отражая пламя и вид утирающих боевых братьев.

...

- Вы видели зная седьмой, - сказал Лисандер. -- Вы слышали имя капитана Хамандера

из седьмой роты и преклоняли колени перед статуей, высеченной из гранита и смотрящей нас в его часовне. Стоило ли

помещать зная в такое почётное место?

Считать Хамандера одним из наших величайших героев? Если бы вы смогли это сделать

ради чести ордена и славы примарха, чем бы вы пожертвовали?

- Говорите. Вы ринетесь в ад, если я этого потребую. Будете бороться с чужаком и сценитесь розами с демоном. Но не можете ответить на простой вопрос? Анейо! Чем?

- Жизнью любого боевого брата, который последует за мной. Если они захотят пожертвовать собой ради славы, то я не остановлю их.

- А своей жизнью?

- Разумеется. Своей жизнью во славу Дорна.

- Своей жизнью. Жизнью тебя, избранного из миллионов верных. Созданного по образу Дорна и, как считают некоторые, из плоти самого Императора. Вооружённого лучшим

снаряжением. Перевозимого на лучших

кораблях. Получившего то, что едва ли
может

позволить себе собрать Империи. Самим
существованием обязанного труду

миллиардов людей. Этим ты
пожертвуеть ради чего-то столь
бесстыдного, как

слава?

- Капитан, я не думаю, что слава
бесстыдна.

- Но по сравнению с жизнью Имперского
Кулака? Сколько стоит слава по
сравнению с

такой жизнью? -- он посмотрел на других
новобранцев. -- Ответьте!

- Ничего, - сказал Коген.

- Значит Хатандер был неправ?

- Да.

- Герой, перед чьей статурой ты преклонялся?
Человек, чьи боевые поучения
рассказывают

каждому новобранцу после его смерти? Он
был неправ?

Коген затолк. Лисангер подошёл ближе и навис над ним.

- Скажи мне, что капитан Хамандер сделал неправильный выбор. Скажи это передо мной,

перед своими боевыми братьями.

Коген молчал. Его взгляд метался от лицам стоявших рядом новобранцев.

- А если не можешь ответить, то скажи хотя бы это.

- Я не могу, капитан.

- Хорошо. Ударная группа вернулась спустя несколько дней и нашла двух выживших из тех, кто отправился за знаменем. Среди них не был Хамандера. Он умер в тануфакторуме Сигма. Если бы не он, то знамя наверняка попало бы в руки ксеносов, и

велик был бы позор Имперских Кулаков. Но ради этого умерли двадцать костодесантников.

Ради шёлка и ниток.

Взмахом руки Лисангер убрал голопроекцию, и в военный архив вернулся

привычный

полутрак. Он прошёл мимо новобранцев -- у них уже началось усиление костей и мускулатуры, но капитан всё равно нависал над ними. Новобранцы не отпрянули.

Хорошо. Из них выбили трусость обычных людей. Достаточное количество из них наденет

доспех скаута, а многие станут полноправными боевыми братьями.

Конечно, они ещё не

готовы. И возможно не будут готовы никогда, пока не сожмут в гнев чёрный кулак

ордена перед лицом врага.

- Последний вопрос, - Лисандер открыл патронташ на поясе и достал гильзу болтера.

Золотой филигранью и изумрудами на ней было написано «УРИКСЭ». Гильза была

просверлена и висела на тонкой цепи, как талисман, - Что вы видите? -- он поднял гильзу.

Новобранцы смотрели, но на их лицах не было понимания. — Император Рекс Ин Ксанатар Этернум. Что это для вас значит?

— Ксанатар это мир на Восточных Окраинах, — сказал новобранец Лукра, приземистый

широкоплечий юнец с огромными мускулистыми кулаками и квадратным красным лицом.

— И каков он?

— К моему стыду, я больше ничего не знаю, капитан.

— Ты хочешь, чтобы я сказал, каково будет твоё наказание за невежество, — сказал

Лусандр. — и затем объяснил вам, что вы не знали. Новобранец Лукра, ты не пойдёшь в

нейроперчатку. Никому из вас не говорили о Ксанатаре, потому, что эта гильза — одна из

ста, выкованных в кузнях «Фаланги» для капеллана Велизара четыреста лет назад. Если

вам и знакомо его имя, то лишь как одно
из тысяч в свитках чести или нагнись на
стене

Реклюзиата. Его не славят как героя, не
описывают в истории как стратега.
Никто не

говорит о нём, кроме меня. Я показываю
вам это потому, что, как и Сикүла и
Хатандера,
у Велизара был выбор.

...

Бүри Ксанатара уже убивали
цивилизации, вырываясь из крепневых
пустынь вихрем

острых осколков. Шторм разражался
каждые несколько веков, иногда проходили
лишь

декады, а иногда спокойно тянулись
тысячелетия, но бүри всегда возвращались
и

стирали с лица земли полные надежд
юные народы, что селились на богатых
вулканических склонах лавовых рек.

Шторм уничтожил всё на поверхности

имперской колонии Порт-Ксан. От

застигнутых ил

на улице людей не осталось даже костей.

Буря началась три недели назад, а потоки

обломков ещё хлестали обогранные

фундаменты зданий. Немногие колонисты

прятались

в бункерах под землёй или теснились в

подвальных хранилищах, куда бежали, едва

потемнело небо.

В чёрно-бурых порывах шторма израли

кровавые отблески света ближайшей

лавовой

реки, что вливалась в один из великих

потоков пламени. Вулканы Ксанатара

постоянно

выбрасывали на поверхность питательные

минералы, что делало землю крайне

плодородной -- для Администратума

желанным местом для превращения в

агротир,

который будет кормить юные поселения

Восточных Окраин. И он будет ил до

следующей

бүри.

Капеллан Велизар шагал против ветра, и
лишь вес терминаторского госнеха
удерживал

его на ногах. Частицы крелня обограли
спереди чёрную краску, открыв тусклый
кератит.

Автомочувства череполикого шлема
пытались разобратъ что-то, кроме
бурлящей тьмы и

тёмно-красной полосы огненной реки.

Велизар прищурился и едва разглядел
разбитые фундаменты Порт-Ксана. Он
был

посреди поселения, точнее его развалин.
Самые высокие обломки едва доходили ему
до

голену. Капеллан пытался найти во тьме
нечто, что не было частью хаоса бүри.

Нечто двизалась во тмраке. Велизар
поднял штүрм-болтер и напярз запыстье,
чтобы два

ствола ровно держались на каменном
ветру.

- Я пришёл встретиться, - заговорил воин по широкочастотной вокс-передатке. - Но пришёл как брат.

Из тьмы сооткался силуэт костодеканника. При свете его терминаторский доспех был бы чёрным и блестящим, словно панцирь жука. На нагруднике был выгравирован сжимающий молот золотой кулак, тот же символ украшал наплечник. На наколеннике был

символ кампании - штормовое облако и молния, означавшие, что последнее десятилетие

боевой брат провёл в крестовых походах на восточных окраинах Империи.

- Капеллан, - заговорил он. Вокс-связь работала, несмотря на помехи. - Я ожидал, что

пришлют тебя.

- Когда мы встретились на Пире Клинок, ты победил меня и завоевал почёт для своего

ордена. Ты во всём вёл себя как честный

брат. Поэтому я знаю, что о тебе говорят неправду.

- И что же говорят?

- Что вы предатели. Но я знаю, что ты не предатель, Тек'шал.

Космогесантник подошёл ближе. Теперь были видны знаки отличия. На доспехах были

шевроны ветерана-сержанта, с бока свисал болтер. За руководство воин был награждён

золочёным крестом терминатора и крылатым болтом, что висел на нагруднике на

парчовой нити. Один наголенник украшал узор в виде паутины, в которой словно запутались печати чистоты.

- Потому что я сын Розала Дорна?

- Потому что я много узнаю о тех, с кем сражаюсь. Такова роль капеллана. Тек'шал, я

знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

- Значит, ты думаешь, что стоишь

убедить нас склониться?

- Не склонится. Никто не просит от вас повиновения, просто сойдите с пути. Ещё не

поздно начать новый. Отступитесь, покиньте Ксанатар и Восточные Окраины -- просто

чтобы показать, что не хотите их заполучить. Имперские Кулаки облагают большим

влиянием на войска Империи, мы проследим, чтобы не было гонений. Клянусь, как

брат.

- Ты не можешь так клясться, если намерен лишить нас всего, что мы заслужили.

- Этот мир так много значит? -- Велизар широко развёл руками, показывая на измученную

землю. -- Ради этого стоило бросать Империю?

- Это началось на Ксанатаре. Мы годами трудились, сражались во имя Императора,

не

зная ни почестей, ни благодарности. Не
для нас почёт Терры, слава избранных
сынов

Дорна. Эти руки забрали тысячу жизней и
похоронили сотню братьев. Мы просим
лишь

заслуженного! Мир с субсектора в плату
за войны, в которых сражались и победили.

Разве не это предлагают простым
имперским гвардейцам -- право поселиться
на

покоренной земле за жертву? Поэтому мы
забрали Ксанатар, первый мир наших
владений. Мы взяли своё, ничего более.

- Мы костодесантники! Мы существуем,
чтобы сражаться ради Императора. Нам
не

нужна власть над миром. С чего ты взял,
что мы сражаемся за что-то? Уполномочен
долг

или погибнуть, пытаясь -- само по себе
награда. Костодесантники должны не
стремиться

к власти, но покорять и защищать земли Императора, не свои.

- А Ультрагесантники? -- возразил Тек'шал. -- Разве они не правят собственной империей?

- Брат, ты сам знаешь, что это грубое дело.

- Да что ты, капеллан? Почему? Потому что у них самая славная история, потому что их

слово слышат, а наше -- нет?

- Потому что Император даровал эти владения Робарту Жиллиману! Тот, кто не с нами,

не может отдать миру Его Империи тебе!

- Раз он не может... - Тек'шал ткнул пальцем в Велизара. -- то мы возьмём сами!

- Вижу, что ты уверен в своей правоте. Я должен это уважать. Но не стоит забывать о последствиях.

- Ах, последствия! И чем же они будут?

Может, лорды-милитанты отлучат нас,
и через

несколько лет придёт флот, чтобы
предать нас каре? Мы будем ждать их на
каждом шагу.

Мы возьмём их на abordаж и уничтожим
один за другим, как сделали с владевшими
этими звёздами ксеносами и еретиками!
Не говори о последствиях, капеллан
Велизар из

Имперских Кулаков. Их ощутят на себе
те, кто хочет лишить нас законной
награды.

- Нет. Я говорю не об этом.

- Значит, Имперская Гвардия? Миллионы
тиров пошлют, чтобы изгнать нас с
тиров? Им не

втянуть нас в бой. Мы скроемся и будем
появляться по двое-трое, убивая десятки,
как

некогда учил скаутов сам Дорн. Каждое
высаженное войско мы рассежём и
заставим

истечь кровью. Безжизненные тела усеют
миры. Велизар, ты знаешь, что это
правда,

знаешь, как ты сражается.

- И это, - спокойно сказал Велизар. -- не те
последствия, с которыми ты столкнёшься.

Капеллан достал болт из мешочка
боеприпасов на поясе. Он поднял его так,
чтобы

Тек'шалу было видно. Болт покрывали
тонкие письмена, среди которых было
слово.

ИРИКСЭ.

- Император Рекс Ин Ксанатар Этернум.
Император -- вечный владыка Ксанатара.
Сколь

бы ни был скромн этот мир, он
принадлежит Императору. Самая
ничтожная скала

принадлежит Ему, и наш долг сохранить
это. Я готов убить тебя, Тек'шал, потому
что мой

долг перед Императором и Его
Империиумом важнее уз братства, -

Велизар вложил

патрон в гнездо болтера. -- Знаю, ты человек чести. Но я нет. Я застрелю тебя хоть

безоружного. Повергну, будь ты сыном Дорна или нет.

Тек'шал мог потянуться за своим оружием, висевшим на боку. Но шторм-болтер был нацелен прямо в его голову, и воин бы не успел схватить рукоять прежде, чем

Велизар

спустит курок. Рука терминатора не двинулась.

Велизар почувствовал, что Тек'шал улыбается под многоглазой лицевой пластиной шлема.

- Я не один на этом мире. Что ты сделаешь, когда я умру.

- Я выковал для Ксанатара сто болтов, - спокойно ответил капеллан. -- И когда я убью тебя

убью, их останется девяносто девять. Сколько твоих братьев я убью перед

смертью? Я

преклюзиарх Имперских Кулаков. Я
сражался с предавшими легионерами, и в
отличие от

твоих воинов убивал кастодесантников
раньше. Так скольких? И когда меня не
станет,

сколько, по-твоему, у Яговитых Шипов
останется желания править своей
империей?

- Мы оплетём тебя паутиной и загущим, -
в голосе Тек'шала послышалась сталь.

- Кхогадек, капитан Собирающих Череп,
покаялся убить меня и отдать мою голову
богу, -

ответил Велизар. -- Но это его череп
стал трофеем, ибо я возложил его на
алтарь

братства «Фаланги», - болтер неотрывно
смотрел в голову Тек'шала. -- Как и тогда,
я

вырвусь из сети и буду преследовать тебя
в буре словно призрак самого Императора.
Так

бүдөт, если ты не отдашь Ксанатар и все
тиры этого сектора законному владыке --
Императору.

- Ты не убьешь костогесантника. А ты не
откажешься от права владеть тем, что
покорили.

Дүло шторм-болтера не дрогнуло.

- Я ведь тоже с тобой сражался. И человек,
с которым я сражался, не стал бы
хладнокровно убивать боевого брата.
Капеллан, не капеллан... ты
костогесантник. Ты не
сделаешь этого.

Велизар не двигался. Тек'шал тоже.

Над Ксанатаром завывала такая буря,
что казалось, что сам Император бы
ничего не
убигел.

...

- Что он выбрал? -- спросил Арнобий. Глаза
новобранца были прикованы к
раскачивающейся на цепи гильзе.

- А ты что думаешь? -- сказал капитан.

- Тек'шал был отступником. Капеллану не оставалось ничего, кроме как...

- Убить другого сына Дорна? -- перебил его Лүкра. -- Способен ли на это костогесантник?

Не в бою, не в сражении, но как палач?

- Значит, новобранец Лүкра, -- поинтересовался Лисангр, -- ты думаешь, что Велизар

должен был позволить Тек'шалу оспаривать власть Императора?

- Нет. Но что он должен был сделать? Боюсь, что я не смогу ответить и на этот вопрос, капитан.

- Это потому, что ты ещё новобранец, Лүкра, -- кивнул костогесантник. -- Тебе ещё не

приходилось делать выбор. Но однажды придётся, поверь. Никто из сражающихся во имя

Императора никогда не сможет избежать решений. Они могут стоить жизни, вынуждают

нас рисковать честью ордена и
Императора или поступаться
принципами, защите

которых мы посвятили свои жизни. На
твой вопрос, новобранец Арнобий, я отвечаю,
что

Велизар покинут Ксанатар живым. Это
всё, что известно. Остались лишь обрывки
информации, недавно найденные в архивах
«Фаланги», - Лисандр обмотал цепь вокруг
гильзы болтера и убрал её, - Я не могу
преподать урок на примере капеллана
Велизара.

Это вы должны усвоить сами. Сделайте
выбор.

Вдали в глубине станции зазвонил
колокол.

- Пора занятий по стрельбе, - сказал
капитан. -- Урок окончен. Исполняйте свой
долг,

новобранцы. Можете идти.

...

«Фаланга» была древним кораблём,
возможно, самым старым в Империи.

Многие

верили, что части её были созданы ещё в
эру Раздора до того, как Император
завоевал

Святую Терру, и во тьме для
человечества вспыхнул свет новой эры. В
огромной

мобильной станции можно было найти
части сотен кораблей, и каждые несколько
десятилетий командам эксплораторов
разрешали войти в забытые и
неиспользуемые

отсеки. Иногда они обнаруживали
считавшиеся утраченными части истории
Имперских

Кулаков. Иногда находили целые капеллы,
палубы казарм, тренировочные залы и
позабытые мемориалы. В закоулках
между известными и используемыми
отсеками ждали
своего часа тайны.

В одном уголке, полном покосившихся
опорных балок и вековой пыли, стояла
одинокая

статую. Возможно, когда-то она была частью большего мемориала или святилища, но всё изменилось.

Это был костогесантник в терминаторском доспехе из обсидиана. Маска из словной кости изображала череп, традиционное обличье капеллана.

Лусангр пригнулся, чтобы пройти под одной из колонн к подножию статуи героя, который

никогда не был при жизни таким огромным. Вырезанные глазницы словно пристально

глядели на капитана. Ничего удивительного, что на статуи не показали лицо -- и боевые

братья, и враги видели череп. Таков путь капелланов. На поле боя они не просто люди,

но скорее идеи, символы, воплощения ордена.

На подножии статуи было выгравировано

мля. Велизар.

Лусангр преклонил колени.

- Когда я был новобранцем, то сказал себе, что ради победы можно сделать всё.

Пожертвовать жизнями. Честью. Даже отбросить принципы, которые делают

костодесантника тем, кем он есть. И когда я прочёл запись о Ксанатаре, то понял, какой

бы сделал выбор. А когда нашёл это место, то понял, что был прав, - капитан посмотрел

на маску из словной кости, - Я знаю, что я прав, молюсь об этом. И знаю, что будут правы

те, кто последует по моим стопам.

В правой руке статуи был шторм-болтер, покрытый тёмно-жёлтым лаком, в левой же

лежал другой шлем, вырезанный из яркого голубого камня. В одной из глазниц была

круглая дыра -- след попадания в возможно единственное слабое место

терминаторского

успеха.

У подножия статуи стоял ящик боеприпасов. Открытый, а внутри лежали девяносто

девять оставшихся болтов, вырезанные в мельчайших деталях, словно они были самой

важной частью статуи

...